

Религіозно-філософскіе вечера.

(Продолженіе).

ПЯТЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Христось. *)

Миссъ Вильсонъ. Послѣ нашего вчерашняго разговора вы всѣ навѣрно видѣли прекрасные сны?

Леруа. Послушайте: послѣ того какъ мы вчера разошлись съ намѣреніемъ говорить сегодня о Христѣ, я принялся за чтеніе Евангелія, которое къ счастью нашлось въ моей комнатѣ. Здѣсь, кажется, вообще въ гостинницахъ всюду лежатъ библіи. Я читалъ до разсвѣта и, какъ литераторъ, старался составить себѣ возможно вѣрный образъ героя этой замѣчательной книги.

Миссъ Вильсонъ. Ну, и конечно почувствовали, что нельзя представить себѣ ничего прекраснѣе характера Христа?

Леруа. Я, вѣроятно, очень удивлю васъ, когда скажу, что съ литературной точки зрѣнія меня больше всего поразило отсутствіе характера у Христа?

Миссъ Вильсонъ. Какъ такъ?

Леруа. Да, во всякомъ случаѣ въ немъ есть что-то такое, чему я не подыщу иного названія. Кому приходится изображать характеры, тотъ хорошо знаетъ, что каждый чело-

*) Настоящій „вечеръ“ направленъ на выясненіе личности Іисуса Христа. Тутъ вступаютъ въ борьбу два основныя способа пониманія, изъ которыхъ по одному Іисусъ Христось просто человекъ, хотя и замѣчательный, а по другому—Богъ, Сынъ Божій. Для перваго пониманія Іисусъ Христось —одинъ изъ многихъ.

вѣкъ носить особый отпечатокъ, зависящій отъ того, что изъ всего числа его силъ, энергій и свойствъ нѣкоторыя выдаются очень рѣзко, а другія вслѣдствіе этого оттѣсняются на задній планъ. Эти различныя выступанія и отступанія свѣта и тѣни на фонѣ общечеловѣческой природы и опредѣляютъ психическій обликъ отдѣльнаго человѣка. Можно ли найти что-либо подобное у Христа? Можно ли, напримѣръ, сказать, что у него разсудокъ перевѣшиваетъ чувство, или чувство перевѣшиваетъ разсудокъ? Одерживаетъ ли у него энергія верхъ надъ благоразуміемъ или благоразуміе надъ энергіей? Отличается онъ нѣжностью и грустью или простодушіемъ? Человѣкъ ли онъ мысли, или дѣла? Съ какой стороны мы ни взглянемъ на него, мы готовы именно эту сторону признать за отличительный его признакъ; но когда мы всмотримся въ него пристальнѣе и прислушаемся къ нему дольше, то мы начинаемъ замѣчать, что всѣ остальные стороны выдаются такъ же ярко. Я не нахожу у него даже специфическихъ признаковъ его племени и времени.

Не можетъ ли это происходить оттого, что мы слишкомъ мало знаемъ о Христѣ? Вовсе нѣтъ! Всѣ четыре евангелія такъ полны разсказовъ о немъ и передаютъ такъ много его словъ, что едва ли найдется въ исторіи другой великій человѣкъ, о которомъ мы знали бы такъ много.

Я совершенно не умѣю объяснить этого, но твердо отмѣчаю, что это такъ. При этомъ мнѣ приходитъ въ голову такое же наблюденіе, сдѣланное съ другой стороны, съ точки зрѣнія живописца. Его сдѣлалъ La Sizeranne въ *Revue des Deux Mondes*, въ интересной статьѣ объ анахронизмѣ въ искусствѣ. Именно этимъ недостаткомъ выдающихся признаковъ La Sizeranne объясняетъ невѣроятныя затрудненія художниковъ при изображеніи Христа. Одни выражаютъ извѣстныя черты, напримѣръ, непреклонность воли въ выдающейся нижней челюсти, пронизательность ума въ маленькихъ, зорко глядящихъ изъ подъ тяжелыхъ вѣкъ, глазахъ, какъ сдѣлалъ это Мункачи въ своемъ Христѣ предъ Пилатомъ, и этимъ впадаютъ въ вопіющее противорѣчіе съ Евангеліемъ. Другіе избѣгаютъ всякаго рѣзкаго признака и впадаютъ въ общій шаблонъ человѣка безъ тепла и жизни. Этимъ они еще болѣе удаляются отъ евангельскаго образа, потому что есть ли что жизненнѣе и привлекательнѣе лич-

ности Христа? И вотъ почему, прибавляетъ La Sizeranne. дрожала рука Леонардо, когда онъ писалъ ликъ Христа. Художника охватывалъ не только религіозный трепетъ, но и страхъ не уловить того жизненно-правдиваго, не ограниченаго никакой особенностью, выраженія, которое онъ долженъ былъ дать Христу.

Бѣльскій. Какъ можете вы говорить, г. Леруа, что Христосъ не имѣетъ признаковъ своего племени? Каждое Его изреченіе носитъ ясную печать іудейства.

Леруа. И всетаки нѣтъ, г. Бѣльскій! Семитическіе обороты рѣчи и образы, употребляемые Христомъ, представляютъ изъ себя чисто формальную сторону. Такъ же стали бы говорить и мы, если-бы намъ пришлось обращаться къ тѣмъ людямъ. Но въ характерѣ, въ воззрѣніяхъ, въ образѣ мыслей и чувствъ Христосъ не проявляетъ ничего специфически іудейскаго. Сократъ въ описаніяхъ своихъ учениковъ—грекъ съ головы до ногъ; глазами грека смотритъ онъ на міръ. Цицеронъ—римлянинъ, и римлянинъ своего времени; его воззрѣнія и склонности не выходятъ изъ той области, которую оставляютъ имъ эти оба условія. Кругъ мыслей и чувствъ современнаго Христу іудея долженъ былъ быть еще уже подъ вліяніемъ ограниченаго, сильнаго націонализма. Напротивъ, въ Иисусѣ Христѣ все общечеловѣчно, все одинаково выше границъ мѣста и времени, все одинаково близко каждому народу и каждому времени. Да вотъ: насъ здѣсь случайно собралось столько народностей, сколько человѣкъ; скажите, кому изъ насъ при чтеніи Евангелія Христосъ казался чуждымъ?

Бѣльскій. И всетаки Ренапъ въ своей „Жизни Иисуса“ доказалъ, что все, что въ немъ было, развилось изъ элементовъ галилейской свѣжести съ примѣсью іерусалимской учености.

Гайнбергъ. Не говорите вы намъ о Ренаповской „Жизни Иисуса“! Это—романъ, и романъ не историческій, потому что его соткала фантазія писателя; онъ не имѣетъ даже литературнаго значенія, потому что такой, составленный изъ кусочковъ, Христосъ, какимъ Его сдѣлалъ Ренапъ, не можетъ существовать: это ходячее противорѣчіе. Отъ „наивнаго невѣжды“, расхаживающаго по праздничнымъ пирамъ на берегахъ Тиверіадскаго озера и сочиняющаго для своихъ

сотрапезниковъ заманчивыя притчи, нѣтъ правдоподобнаго перехода къ тому „мрачному исполину“, который въ Иерусалимѣ ни съ того, ни съ сего беретъ на себя роль Мессіи, двусмысленными средствами поддерживаетъ ее и „раздраженный сопротивленіемъ“ позволяетъ своему дурному настроенію довести себя до пичѣмъ не оправдываемыхъ поступковъ“. Первая изъ этихъ двухъ фигуръ не содержитъ въ себѣ даже матеріала для второй. А какъ согласить мнимыя чудеса, ложную ссылку на происхожденіе отъ Давида, присвоеніе еще при жизни апофеоза, приписываемыя Христу Ренаномъ, съ абсолютной чистотой характера, которой дивится тотъ же Ренанъ, съ любовью къ справедливости и правдѣ, за которыя живетъ и умираетъ Христосъ? Несчастныя усилія автора смягчить и прикрыть эти разногласія только рѣзче выдвигаютъ ихъ непримиримое противорѣчіе. Однимъ словомъ, образъ, который Ренанъ хотѣлъ создать, несмотря на величайшій произволь, допущенный имъ по отношенію къ текстамъ и источникамъ, совершенно не удался.

Леруа. Я думаю, что Ренанъ самъ въ свои зрѣлые позднѣйшіе годы не подписался бы снова подъ своей юношеской работой. Можетъ быть, онъ самъ былъ радъ тому, что такъ рано покончилъ съ этой неисполнимой частью своей задачи.

Гайнбергъ. Вы правы, называя эту работу неисполнимой. Въ былое время я много трудился надъ тѣмъ, чтобы отыскать въ евангеліяхъ что нибудь похожее на то постепенное развитіе, которое Ренанъ приписываетъ Христу, и къ удивленію своему убѣдился, что ни этого, ни какого другого совершенствованія у Христа нѣтъ совсѣмъ.

Юношей онъ сразу предпринимаетъ исполинскую духовную работу, не грезившуюся ни одному человѣку. Онъ называетъ ее царствомъ Божиимъ на землѣ. Она стоитъ въ полномъ противорѣчій съ господствовавшей въ то время политической и узко-національной идеей Мессіи. Итакъ, со стороны окружающей обстановки дѣло его можетъ встрѣчать только препятствія и затрудненія. При этомъ юноша повидимому вполне сознаетъ величину своего предпріятія и, что еще знаменательнѣе, вполне увѣренъ въ его успѣхъ. У него на первыхъ шагахъ незамѣтно никакого колебанія,

никакого нащупыванія пути, какъ это, на примѣръ, явственно наблюдается у Магомета. Въ первый же день онъ говоритъ Наанайлу, что тотъ увидитъ надъ Нимъ отверстое небо и сходящихъ ангеловъ. Съ перваго же дня онъ позволяетъ звать себя Сыномъ Божиимъ и Царемъ Израилевымъ. Разъ за разомъ предрекаетъ онъ, что Его евангеліе будетъ возвѣщено по всей землѣ. И когда онъ въ концѣ обращаетъ къ своимъ ученикамъ изумительныя слова: „идите, научите всѣ народы... Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка“, то въ нихъ нѣтъ ничего, что не соотвѣтствовало бы самымъ точнымъ образомъ началу. Сократъ не грѣшилъ излишней скромностью, но и тотъ неизмѣнно твердилъ, что онъ ничего не знаетъ. Христосъ постоянно говоритъ, что *знаетъ* и что получилъ свое ученіе отъ Отца. Въ этомъ ученіи являются вездѣ и всегда одно и то же нравственное совершенство и одни и тѣ же трансцендентальныя догматы. Въ немъ, я повторяю, нѣтъ и слѣда движенія впередъ и развитія.

Для меня съ точки зрѣнія философіи и психологіи это явленіе необъяснимо. Разумѣется, можно всетаки предполагать, что въ немъ должно было быть какое нибудь развитіе, но предположеніе это никакимъ образомъ не можетъ быть основано на источникахъ, т. е. евангеліяхъ.

Семеновъ. Превосходно! До сихъ поръ мы установили только одніе невозможности. Одинъ доказываетъ, что Христосъ неизобразимъ въ литературѣ, другой—что его не можетъ передать кисть, третій—что онъ необъяснимъ съ психологической точки зрѣнія. Ренанъ съ помощью всего своего искусства пытался его „возстановить“, и это ему не удалось. Можно прибавить, что и Штраусу со всей его нѣмецкой ученостью посчастливилось не больше Ренана. Въ *Année philosophique* Ренувье попробовалъ объяснить Христа, вооружившись всѣми вспомогательными средствами нынѣшней критики. Я проглотилъ его статью, но, долженъ сознаться, совершенно разочаровался въ ней. Христіанское правоученіе, которымъ міръ живетъ 2000 лѣтъ, Ренувье понимаетъ только тогда, когда строить предположеніе, что Христосъ считалъ конецъ міра очень близкимъ и далъ человѣческому роду этику не жизни, а блаженной смерти! А сколько еще несообразностей и нелѣпостей онъ вноситъ въ своего Христа, я и пересчитывать не буду.

Что это значить? Можетъ быть, Христось—ходячее противорѣчiе?

Девилль. Дѣло очень просто. На противорѣчiя и непреодолимыя трудности наталкивается тотъ, кто хочетъ объяснить, понять, изобразить, описать Христа, какъ простаго человѣка. Но какъ только мы отрѣшимся отъ этой предвзятой цѣли и попробуемъ понять Христа въ духѣ христіанства, какъ воплощеніе Божества, какъ абсолютное совершенство, являющееся въ ничтожномъ образѣ человѣка, такъ пропадаетъ всякое противорѣчiе, и все объясняется просто и разумно.

Всѣ наблюденія и замѣчанія, сдѣланныя вами, господа, логически приводятъ къ этому выводу. Ограниченность—неизгладимая печать твари. Каждый человѣкъ можетъ только до извѣстной мѣры и въ извѣстномъ направленіи осуществить возможности человѣческой природы, и потому въ каждомъ человѣкѣ однѣ духовныя черты должны непременно выдаваться, другія—отступать. Въ этомъ, по справедливому замѣчанію г. Мѣруа, лежитъ сущность индивидуальности. Каждый волей-неволей является человѣкомъ своего времени и народа, потому что личность складывается не изъ ничего, а изъ условій мѣста и времени. Подъ ихъ вліяніемъ наполняется умъ и образуется сердце. Поэтому ни одинъ человѣкъ не можетъ явиться выразителемъ всесторонняго идеала человѣчества. Для этого ему слѣдовало бы быть чѣмъ то большимъ, чѣмъ простой единицей изъ людской суммы.

Когда же, напротивъ, Богъ, абсолютное совершенство, принимаетъ плоть и является въ человѣческомъ образѣ, то мы легко поймемъ, что въ такомъ человѣкѣ должно выступить все совершенство, доступное человѣческой природѣ вообще, что такой человѣкъ будетъ всестороннимъ, вѣчнымъ идеаломъ человѣчества. Мы можемъ разсматривать такого человѣка съ любой стороны, и намъ всегда будетъ, какъ сказалъ г. Мѣруа, казаться, что какъ разъ эта сторона въ немъ выражена ярче всего, именно потому что онъ со всѣхъ сторонъ представляетъ изъ себя идеаль. Такой человѣкъ не можетъ существенно двигаться впередъ и развиваться—на что обратилъ вниманіе г. Гайнбергъ—потому что полноту своего знанія онъ приноситъ съ высоты Божества, а не черпаетъ изъ окружающаго. Потому что мышленіе и чувствованіе

его не носят той печати односторонности, которая отличает народы и эпохи, и потому онъ одинаково близокъ людямъ всѣхъ временъ и народовъ. Каждый видитъ и чувствуетъ въ немъ свой идеалъ. Онъ всеміренъ не въ отвлеченномъ значеніи пустого образца, но въ Платоновскомъ смыслѣ слова, какъ полнота всѣхъ свойствъ, которыми въ раздробленномъ видѣ обладаетъ человѣчество.

Бѣдное человѣческое искусство привыкло обрисовывать кистью и перомъ личности, пользуясь именно ихъ ограниченностью, т. е. тѣми частями идеала, которыя въ нихъ отражаются. Передъ самимъ идеаломъ, въ которомъ, по сильному выраженію ап. Павла, „обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно“, оно теряется и не умѣетъ себѣ помочь.

Миссъ Вильсонъ Превосходно, г. Девилль! Божественность Христа дѣйствительно пробиваетъ человѣческую оболочку и сияетъ въ каждомъ словѣ Евангелія.

Бѣльскій. Очевидно, евангелисты хотѣли сдѣлать его Богомъ—и сдѣлали.

Девилль. Это—уловка, г. Бѣльскій, притомъ такая, которая ничего не объясняетъ. Извѣстное выраженіе Руссо по этому поводу сираведливо до сихъ поръ: труднѣе представить себѣ, чтобы четверо людей сговорились сочинить четыре такихъ книги, какъ евангелія, чѣмъ допустить, что одинъ человѣкъ былъ дѣйствительнымъ героемъ этихъ книгъ. Да, въ наши дни, благодаря болѣе глубокому изслѣдованію евангелій, это стало очевиднѣе, чѣмъ когда-либо.

Гайнбергъ. Если-бы евангелисты создали своего героя на основаніи предыдущаго соглашенія, то они столкнулись бы тщательнѣе. Они не впади бы въ сотни мелкихъ различій и противорѣчій, которыми ихъ злорадно попрекаетъ Штраусъ. Эти разногласія, конечно, приносятъ немало хлопотъ экзегету, но историку и мыслителю нимало не мѣшаютъ находить у всѣхъ четырехъ писателей одну и ту же превосходно нарисованную фигуру. И это относится не только къ главнымъ событіямъ, которыя они рассказываютъ едипогласно, но и ко всѣмъ мелкимъ чертамъ, приводимымъ ими. Я, напримѣръ, не знаю, какъ согласуются между собою подробности, съ какими Маттеей, Лука и Іоаннъ описываютъ утро воскресенія, и это меня нисколько не заботитъ, но я знаю, что Маттеей не приписываетъ своему Христу ни одного слова и

ни одной черты, которыя не подходили бы самымъ точнѣйшимъ образомъ къ тому Христу, котораго рисуютъ Лука и Іоаннъ. При этомъ каждый изъ нихъ сохраняетъ свою авторскую индивидуальность, и всѣ они обнаруживаютъ особый интересъ къ разнымъ сторонамъ своего предмета. Это высшее положительное единство идеи при различіи матеріала, которое существуетъ по крайней мѣрѣ наружно, никакимъ образомъ не можетъ быть слѣдствіемъ соглашенія, а тѣмъ менѣе—произвольнаго вымысла.

Я. Относительно подлинности евангелій существуетъ больше критическихъ доказательствъ, чѣмъ относительно какого бы то ни было другого историческаго источника, и доказательства эти въ рукахъ современной науки, какъ извѣстно, умножаются съ каждымъ днемъ.

Леруа. Не трудитесь приводить ихъ, уважаемый отецъ! И безъ нихъ ясно, что евангелисты не выдумали евангельскаго Христа. Всѣ они іудеи: это ясно видно по ихъ стилю, даже по ихъ личному образу мыслей. Если-бы они должны были создавать Христа по собственному разумѣнію, они непременно сдѣлали бы его или вождемъ іудеевъ, побѣждающимъ язычниковъ, или—если бы это оказалось невозможнымъ по историческимъ даннымъ—типичнымъ раввиномъ. А что такое былъ іудейскій раввинъ того времени, мы знаемъ довольно точно. Мы видимъ въ талмудѣ силуэты Гиллеля, Гамалиила и равви Самуила. Всѣ они—сварливые болтуны, дѣпляющіеся за формы, озлобленные защитники исключительности своего народа; всѣ они въ мелочахъ своего закона видятъ ось мірозданія. Эти черты евангелисты постарались бы усилить и очистить отъ всякой чуждой примѣси, чтобы затѣмъ облечь ими своего Христа. Но для того Христа, котораго они дѣйствительно описали, для Христа, ставящаго себя выше субботы, бесѣдующаго съ самарянкою и общающаго язычникамъ востока и запада преимущество передъ сынами Авраама въ своемъ царствѣ, однимъ словомъ—для Христа, обладающаго самымъ широкимъ сердцемъ и умомъ на землѣ, ставящими его въ полную противоположность съ іудейскимъ раввиномъ, для такого Христа эти люди въ кругу своихъ мыслей и стремленій не находили никакого матеріала. Такое созданіе, съ точки зрѣнія литературной критики, невозможно.

Семеновъ. Если взглянуть на дѣло съ другой стороны, то мнѣ думается, что евангелисты, создавая своего Христа, сдѣлали бы его чѣмъ-нибудь въ родѣ стойка. Они придали бы своему герою, особенно въ виду намѣренія отлить изъ него Бога, непреклонную стойкость, мужество и самообладаніе, непоколебимыя, какъ скала. Вотъ тѣ свойства, которыя умѣютъ цѣнить обыкновенные люди: *iustum et tenacem propositi virum... impravidum ferient ruinae* ¹⁾. Но чтобы наряду съ этимъ жила безконечно прекрасная чувствительность, раздѣляющая человѣческія страданія, чтобы этотъ Христосъ, не спускаясь со своей высоты, могъ тронуться будущей гибелью города, плакать у гроба друга, ласкать и цѣловать дѣтей, сидѣть за столомъ съ мытарями, позволить Магдалинѣ оросить слезами его ноги, простить ей грѣхи за то, что она возлюбила много, умыть ноги ученикамъ и глубоко скорбѣть передъ разлукой съ ними—всего этого ни въ какомъ случаѣ не могли сочинить евангелисты, потому что это просто не пришло бы имъ въ голову.

Но они идутъ дальше. Они не стыдятся рассказывать объ его смерти на висѣлицѣ того времени. Можетъ быть, скажутъ, что ихъ припудила къ тому общеизвѣстность этого главнаго событія? Но кто заставлялъ ихъ говорить объ его заушеніи слугою и о столькихъ другихъ унижительныхъ подробностяхъ? Это въ самомъ дѣлѣ непонятно въ ученикахъ, стремящихся сдѣлать своего учителя Богомъ. Но они отваживаются на большее: они безъ смущенія рассказываютъ, что этотъ герой томился скорбью передъ страданіями, просилъ у Отца пощады, что на него напала тоска и... страхъ!! Господа, послѣ этого по моему недѣло сомнѣваться въ объективности евангелистовъ. Разказы объ этихъ вещахъ должны были казаться необъяснимыми древнимъ христіанамъ. У гностиковъ они вызвали обидные упреки и насмѣшки. И дѣйствительно, объяснить ихъ можно только вѣрностью фактовъ и рабской правдивостью свидѣтелей. Конечно, такой Христосъ, всесторонній человѣкъ, исполнивъ въ своей слабости, полный чувства, но и величія, безконечно выше безсердечнаго стойка. Мы понимаемъ это теперь, или,

1) Мужа справедливаго и стойкаго въ намѣреніяхъ... гибель поразитъ безрешетнымъ.

лучше сказать, чувствуемъ это. Но такого Христа не сочинишь!

Миссъ Вильсонъ. И какъ могли такіе люди выдумать такой недосыгаемый идеалъ любви, для котораго не находилось формы и содержанія во всей древности? Любовь въ древности никогда не выходила за стѣны родного города, и даже эта любовь къ родинѣ была проложена гордостью, себялюбіемъ и ненавистью къ иноземцамъ. Христосъ являетъ міру Свое безконечно широкое сердце, которое любитъ Отца, живетъ для Его славы, и въ Отцѣ любитъ всѣхъ людей, близкихъ и дальнихъ, добрыхъ и злыхъ, учениковъ и враговъ. И какъ искренна Его любовь, какъ дѣятельна и готова на жертвы, какъ всесторонняя! Она смягчаетъ всякую человѣческую скорбь, удовлетворяетъ всѣ тѣлесныя и душевныя стремленія. Чтобы выразить все, мнѣ пришлось бы пересказать все Евангеліе, всю жизнь Сына Человѣческаго, являющуюся однимъ непрерывнымъ рядомъ благодѣяній, которыя Онъ оказывалъ людямъ днемъ и ночью, въ трудахъ и голодѣ, Самъ не имѣя, гдѣ главу приклонить, до самой послѣдней жертвы, жертвы собственной жизнью. Когда я читаю, что Онъ на крестѣ молился за Своихъ убійцъ, и потомъ—что Онъ поручилъ Свою мать ученику, то я право не знаю, что меня больше восхищаетъ: тамъ Онъ стоитъ передо мною, какъ небесно-высокій идеалъ, а здѣсь я чувствую, что Онъ мнѣ близокъ, что я касаюсь Его. Онъ въ одно и то же время самый возвышенный и самый естественный человѣческій образъ, необъяснимое соединеніе идеала съ дѣйствительностью.

И этотъ идеалъ Своей любви Христосъ ставитъ передъ людьми и требуетъ, чтобы они любили другъ друга, какъ Онъ возлюбилъ ихъ. Въ этомъ отношеніи Его требованія необыкновенно высоки. Онъ приказываетъ самарянина любить наравнѣ съ соплеменникомъ. Мы должны настолько отречься отъ себя, чтобы лучше самимъ терпѣть несправедливости, чѣмъ огорчить ближняго. Мы должны любить даже врага и оказывать ему добро. И для того, чтобы мы во всѣхъ, даже въ самыхъ жалкихъ и отверженныхъ существахъ, находили что-нибудь, что можно любить, Онъ придумываетъ дивно прекрасное замѣщеніе. Что вы сдѣлали одному изъ малыхъ сихъ, говорить Онъ, вы Мнѣ сдѣлали:

Меня вы кормили и одѣвали, когда подавали пищу голодному и одежду нагому. Чудесная уловка любви!—и, что еще чудеснѣе, она удалась и, какъ вы сами замѣтили вчера, дала диковинные плоды въ исторіи.

И такое чудо могло возникнуть въ головахъ нѣсколькихъ іудейскихъ писателей?!

И. Не трудно доказать, что все, сказанное о любви Христа, можно сказать и о Его мудрости. Она приводитъ въ изумленіе какъ учениковъ, такъ и враговъ. Въ ней нѣтъ признака той ограниченности, которой отличается людская мудрость. То же самое мы скажемъ и объ Его нравственной святости, на которой не откроешь и тѣни пятна. Всѣ люди—грѣшники, и самые святые сознаются въ этомъ смиреннѣе другихъ. Всѣ просятъ у Бога прощенія прегрѣшеній. Онъ Одинъ, смиреннѣйшій изъ людей, никогда ни въ чемъ не проситъ прощенія у Бога и смѣло вызываетъ людей вопросомъ: кто изъ васъ можетъ обвинить Меня въ грѣхѣ? И такъ дѣло обстоитъ со всякимъ свойствомъ, которое мы будемъ разсматривать въ евангельскомъ Христѣ. Вездѣ—одно недостижимое, нигдѣ нѣтъ границъ, однимъ словомъ—вездѣ прорывается абсолютное. Поэтому евангелисты и не могли создать этотъ образъ; они были люди, а образъ этотъ Божественъ.

Гайнбергъ. Нельзя отрицать, что свойства, выступающія въ Христѣ, возбуждаютъ наше удивленіе. Но безконечными ихъ можно называть только въ очень относительномъ смыслѣ. Все это всетаки человѣческія свойства, человѣческія доброта, терпѣніе и святость, и ни въ какомъ случаѣ не безконечныя свойства, присущія абсолютному. Относительно этого по-моему не можетъ быть сомнѣнія.

И. Здѣсь вы затрогиваете очень трудный вопросъ, тайну Божественнаго вочеловѣченія и двухъ природъ въ одномъ человѣкѣ. Я не буду входить въ подробности по этому поводу и скажу коротко: человѣкъ—Христосъ очевидно обладаетъ человѣческими, не строго абсолютными свойствами, но и эти свойства выступаютъ въ такой полнотѣ, въ такомъ безукоризненномъ совершенствѣ, которое, какъ показало наше разсужденіе, исключаетъ предположеніе, что носитель ихъ личность чисто человѣческая. Въ христіанскомъ же догматѣ, какъ сказалъ г. Девилль, они находятъ превосходное объ-

ясненіе. Самъ Создатель усвоилъ Себѣ эту человѣческую природу и сталъ ея дѣйствительнымъ носителемъ, и потому въ ней отражается Его совершенство, поскольку это возможно для человѣческой природы. Но наряду съ такими дивными человѣческими свойствами сквозь эту природу просвѣчиваютъ и абсолютно Божескія совершенства, въ которыхъ явственно открывается Божественный носитель. Этими человѣческими устами не разъ говоритъ Божіе всевѣдѣніе, этими руками Божіе всемогущество ежеминутно творить чудеса.

Леруа. Оставьте чудеса въ сторонѣ, ваше преподобіе. Они портятъ мнѣ Христа. Безъ нихъ онъ кажется мнѣ выше, прекраснѣе, а главное—понятнѣе.

Я. Чудеса портятъ вамъ Христа? Почему? Отвѣтъ простъ: потому что вы понимаете Христа, какъ превыше всякой мѣры высокаго человѣка, но не какъ всемогущаго Бога. Такому Христу, конечно, не приличествуетъ ни самообманъ, ни обманъ другихъ мнимыми чудесами. Я понимаю, что вашъ Христосъ вамъ нравится. Но откуда вы берете этого Христа безъ чудесъ? Гдѣ вы будете его искать? Въ Евангеліи?

Леруа. Вычеркните изъ евангелій все сверхъестественное, и что останется—будетъ моимъ Христомъ.

Я. Ничего не останется кромѣ произвольныхъ измышленій фантазіи.

Миссъ Вильсонъ. Вы правы, многоуважаемый отецъ, отъ евангельскаго Христа ничего не останется.

Я. Пожалуйста обратите вниманіе, какъ въ евангеліяхъ вся жизнь Христа переплетена чудесами. Его рожденіе—чудо. Его учительная дѣятельность опирается на чудеса. На чудеса постоянно ссылается Христосъ, когда требуетъ вѣры своему ученію, и чудеса эти, по словамъ евангелистовъ, Онъ творить сотнями и тысячами. Онъ проходилъ по городамъ и селеніямъ, говорить св. Матѳею, возвѣщаль Евангеліе царствія Божія и цѣлилъ всякій недугъ и всякую немощь. Все евангеліе отъ Марка есть только описаніе странствій этого Чудотворца. Скорбь во всѣхъ видахъ спѣшитъ къ Нему, тѣснить Его и не даетъ Ему даже времени для отдыха и подкрѣпленія. По Его слову исчезаютъ болѣзни, умножаются хлѣбы, умолкаютъ волны и

вѣтеръ, встають мертвецы. Когда Онъ наконецъ идетъ на смерть, то Онъ ясно предсказываетъ, что воскреснетъ въ третій день, а послѣ смерти является въ живомъ тѣлѣ и даетъ Себя осязать. Чудеса со всѣми опредѣленными признаками и дѣлами тѣснѣйшимъ образомъ срослись съ этимъ дивнымъ обликомъ. Вы сказали такъ много прекраснаго о характерѣ Христа, вы дошли съ нами до заключенія, что евангелисты не могли создать этого образа! Теперь подумайте, что все, чѣмъ мы — и вы въ томъ числѣ — восхищаемся въ Христѣ, связано съ чудесами. Гдѣ Онъ жалѣетъ толпу, тамъ чудесно умножаются хлѣбы. Гдѣ Онъ источаетъ благодѣянiя всѣмъ приближающимся къ Нему, тамъ Онъ творитъ чудеса исцѣленiя. Гдѣ Онъ освобождаетъ грѣшницу, тамъ Онъ читаетъ грѣхи въ душахъ ея обвинителей и записываетъ ихъ на песокъ. Гдѣ Онъ открываетъ величiе Своего духа передъ судомъ Каиафы, тамъ Онъ грозитъ Своимъ пришествiемъ на облакахъ небесныхъ въ день судный. Однимъ словомъ, вырвите изъ листовъ евангельскихъ чудеса, и у васъ ничего не останется въ рукахъ, кромѣ разрозненныхъ обрывковъ.

Это было бы жалко, жалко для всего мiра, неправда ли? Но это и невозможно: если евангелисты выдумали чудеса, то они выдумали и всего Христа, Котораго мы знаемъ. Чѣмъ въ такомъ случаѣ былъ Христосъ, и жилъ ли Онъ вообще когда нибудь, мы совсѣмъ не сможемъ сказать даже приблизительно, и такимъ образомъ снова дойдемъ до нелѣпости, которую мы уже отвергли и которую труднѣе понять, чѣмъ всѣ чудеса, а именно, что евангелисты создали Христа.

Девилль. Да почему же бы намъ не хотѣть признавать чудесъ Христовыхъ, г. Деруа? Развѣ въ нихъ есть что-нибудь отталкивающее для насъ. Вѣдь мы уже пришли къ соглашенiю, что разсудокъ не видитъ въ чудѣ ничего невозможнаго, разъ установлено бытiе Бога сверхмiрнаго. А наше сердце, наше чувство, наше нравственное и эстетическое ощущенiе, вся наша душа испытываютъ даже влеченiе къ чудесамъ Христа.

Чудеса, о которыхъ мы читаемъ въ такъ называемыхъ священныхъ книгахъ другихъ религiй, представляютъ изъ себя бессмысленныя приключенiя безъ всякой связи съ дѣйствительностью. При этомъ они часто полны отталкиваю-

шей дикости и покоряють противника путемъ вещественной силы. Индійскія приключенія Вишну и Шивы извѣстны, какъ образцы необузданной фантазіи и жестокости. О строгомъ Зороастрѣ мы читаемъ, что онъ посадилъ кипарисъ, который въ нѣсколько дней выросъ до такой величины, что царь Вистаспа выстроилъ себѣ великолѣпный дворецъ въ его вѣтвяхъ. Мудрый Будда создаетъ 500 кораблей изъ пламени, а огнедышащаго дракона кладетъ въ свою нищенскую суму. Такіе дикіе образы вызываетъ человѣческая фантазія, когда она оставляетъ почву дѣйствительности и одна пускается въ царство сказокъ. Напротивъ, чудеса Христа всѣ разумны, прекрасны, привлекательны. Всѣ они безъ исключенія благодѣтельны и никогда не клонятся къ матеріальной выгодѣ ихъ творца, а всегда стремятся къ утоленію человѣческихъ страданій. Они имѣють цѣлью одно лишь нравственное убѣжденіе противниковъ. Чудеса, которыя выдумываютъ люди, и даже тѣ, которыя они приписываютъ своимъ обожествляемымъ героямъ, всегда обнаруживаютъ, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ описаніи, извѣстную долю шарлатанства и дѣланости. Всѣ обстоятельства играютъ роль кулисъ, рѣчи рассчитаны на публику, все сознательно или безсознательно стремится къ тому, чтобы самымъ выгоднымъ и яркимъ образомъ освѣтить чудесную сторону явленія. Теперь я беру васъ свидѣтелемъ, г. Леруа! Вы сами литераторъ, и только что прочли Евангеліе: есть ли въ чудесахъ Христа хоть малѣйшая доля шарлатанства?

Леруа. Нѣтъ, по правдѣ, его нѣтъ и слѣда.

Девилль. Христось такъ скромень, что Онъ какъ будто скрываетъ Свои чудеса. Онъ запрещаетъ ученикамъ говорить о нихъ, Онъ удаляетъ лишнихъ свидѣтелей, Онъ умаляетъ дѣла, которыя хочетъ дѣлать. Когда Его приводятъ къ тѣлу дочери Іаира, Онъ находитъ комнату полную плачущихъ. „Не плачьте,—говоритъ Онъ,—дѣвица не умерла, но спитъ“. И они смѣялись надъ Нимъ,—прибавляетъ евангелистъ,—потому что знали, что она умерла. А Онъ велѣлъ выйти всѣмъ, кромѣ родителей, вошелъ въ комнату, взялъ дѣвушку за руку, и она встала. Развѣ такъ держитъ себя шарлатанъ?

Въ сущности лучше будетъ сказать, что Христось такъ

же мало скрываетъ Свои чудеса, какъ и выставляетъ на показъ. Онъ творитъ ихъ съ такой простотой, съ такимъ покойнымъ самосознаніемъ, какъ будто бы они были самой обыденной вещью. Однимъ словомъ, Христосъ творитъ величайшія чудеса естественнѣйшимъ въ мірѣ образомъ. Онъ даетъ слѣпымъ зрѣніе и мертвымъ жизнь такъ, какъ мы даемъ ребенку грушу—доказательство, что эта сверхъестественная власть Ему такъ же свойственна и присуща, какъ намъ наша природа. Всякій чувствуетъ, что эта естественность въ чудесномъ не можетъ быть личиною въ жизни; и такіе писатели, какъ евангелисты, не могли бы изобрѣсти ее, если-бы не видали. Г. Меруа самъ подтвердить это.

Меруа. Я не скрываю, что это для меня неразрѣшимая загадка.

Миссъ Вильсонъ. Г. Меруа, если васъ въ чудесахъ Христа отталкиваетъ сила, то посмотримъ на нихъ съ обратной стороны и разберемъ, какъ ограничена и бессильна Его чудесная власть. Меня это очень поразило при чтеніи одной англійской книги неизвѣстнаго автора. Христосъ обнаруживаетъ сверхъестественную силу, Онъ повелѣваетъ болѣзнямъ и стихіямъ, и люди не бѣгутъ отъ Него, не боятся Его, тѣснятъ Его, надѣдають Ему, осмѣливаются даже покушаться на Его жизнь! Какъ это возможно? Можетъ быть, они и боялись Его сначала, также какъ и тѣ безумные, которые при видѣ одного чуда просили Его уйти изъ ихъ предѣловъ; но скоро они убѣдились въ томъ, что эта сила, столь могучая для блага другихъ, была слаба и бездѣйствительна по отношенію къ Нему Самому. Этотъ чудотворецъ, по слову котораго ходятъ разслабленные, Самъ въ изнеможеніи садится у колодца Іакова; умножающій хлѣбы, Самъ чувствуетъ голодъ и посылаетъ учениковъ купить хлѣба. Почти никогда не употребляетъ Онъ силу для защиты Себя или для наказанія другихъ, во всякомъ случаѣ не такъ часто, какъ пророки и даже какъ апостолы. Одинъ только разъ Онъ показываетъ, что можетъ и губить, но для этого Онъ, согласно съ нѣжностью Своего сердца, выбираетъ безчувственное созданіе, смоковницу, которая и засыхаетъ по Его повелѣнію. Такимъ образомъ, мы видимъ безграничную, страшную силу, но ея собственная доброта скрываетъ ее, обезоруживаетъ... и предаетъ людямъ.

И это есть нѣчто такое, что безусловно превосходить человѣческія мѣрки; это—если не высшее, то несомнѣнно прекраснѣйшее чудо.

Я. Это вѣрно. Характеристика чудесъ Христовыхъ, сдѣланная вами обоими, миссъ Вильсонъ и г. Девилль, очень мѣтка и содержательна. Сверхъестественная сила, которую приписываютъ себѣ лицемѣры, совсѣмъ не похожа на ту, которую Богъ иногда даетъ святымъ, а послѣдняя въ свою очередь отличается отъ силы, присущей вочеловѣчившемуся Богу. У первыхъ, какъ вы совершенно вѣрно сказали, бросается въ глаза дѣланость. Вторые обнаруживаютъ смиренное недовѣріе къ себѣ, горячо молятся, чтобы милостиво расположить Бога, и старательно воздаютъ всю честь Ему. Когда ап. Петръ хочетъ пробудить къ жизни Тавиоу, онъ молится передъ трупомъ на колѣняхъ; ап. Павелъ въ нѣмой молитвѣ обнимаетъ мертвое тѣло юноши, упавшаго въ Троядѣ изъ окна. У Христа не видно ни тѣлеснаго, ни нравственнаго напряженія. Обыкновенно Онъ даже не призываетъ имени Отца, а если и дѣлаетъ это, какъ, напримѣръ при воскресеніи Лазаря, то молитва его выражаетъ только благодареніе. Онъ называетъ свои чудеса дѣлами Отца, чтобы указать на ихъ Божественность, но совершенно такъ же, если не чаще, называетъ ихъ и Своими. Иногда Онъ творитъ ихъ черезъ прикосновеніе, чтобы явить жизнедательную силу Своего тѣла, но большею частію Онъ совершаетъ ихъ однимъ словомъ, повелѣніемъ: Онъ повелѣваетъ болѣзнямъ, морю, вѣтру и смерти. Въ этомъ Онъ живо напоминаетъ образъ дѣйствій Творца: да будетъ свѣтъ, да будетъ твердь, да явится суша—и было такъ. Повелѣніе на языкѣ человѣческомъ—самое настоящее выраженіе творческаго дѣйствія, которое есть актъ всемогущей воли. Чудеса Христа стоятъ на одномъ ряду съ этимъ дѣйствіемъ.

Гайнбергъ. Значитъ вы полагаете, г. патеръ, что чудеса Христа представляютъ строгое доказательство Его Божественности?

Я. Я полагаю, что способъ, которымъ Онъ ихъ творитъ, можетъ быть свойственъ только Божественному лицу.

Миссъ Вильсонъ. Мнѣ кажется, что даже независимо отъ Его чудесъ почти каждое изъ Его словъ въ Евангеліи сіяетъ Божественностью, и совершенно немислимо въ устахъ про-

стого человѣка. Какой человѣкъ могъ сказать то, что Христосъ сказалъ Марѣѣ, плачущей надъ гробомъ брата: „Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ“? Изъ чьихъ устъ, изъ чьей души могли прозвучать слова: „Я свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякій вѣрующій въ Меня не оставался во тьмѣ“? А дивныя обѣщанія блаженства за такіе виды душевнаго величія, которые до тѣхъ поръ не были извѣстны міру даже по имени? А непонятное, и съ человѣческой точки зрѣнія неподходящее, обѣтованіе, которое Онъ даетъ ученикамъ при прощаніи: изгонятъ васъ изъ синагогъ, будутъ бить и убивать, „въ мірѣ будете имѣть скорбь; но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ!“ Я не умѣю хорошо выразить то, что чувствую, но я убѣждена, что въ этихъ словахъ лежатъ безконечная мудрость, сила, величіе, превосходящія все человѣческое, все созданное.

Девилль. Вы правы, миссъ Вильсонъ, въ такихъ словахъ Христа чувствуется что-то безконечное, но не всякій сразу видитъ это, а тому, кто этого не видитъ, мы не можемъ этого объяснить, потому что у насъ нѣтъ на это болѣе подходящихъ словъ. Но всякій по крайней мѣрѣ можетъ, глядя на историческія послѣдствія этихъ словъ, убѣдиться, что въ нихъ есть что-то Божественное. Какое дѣйствіе оказывали слова величайшихъ мыслителей человѣчества? Все это были блуждающіе огни, вспыхивавшіе на минуту и не вливавшіе ни теплоты, ни жизни. Напротивъ, каждое слово Христа приносило плодъ и изливало жизнь. По пути исторіи мы можемъ прослѣдить, какъ каждое изъ нихъ всходило и давало плодъ. Изъ одного вышли мученики, изъ другого дѣвственницы, изъ третьяго благотворительныя учрежденія. Одно изъ нихъ положило въ свое время начало основному закону всѣхъ человѣческихъ государственныхъ устройствъ и отдѣлило кесарево отъ Божіяго, а изъ другого возникла по крайней мѣрѣ идея братства людей. И кто скажетъ, сколько еще цвѣтовъ и плодовъ дастъ человѣчеству въ будущемъ это сѣмя?

Миссъ Вильсонъ. Очень хорошо, но я стою на своемъ, что слова Христа, сами по себѣ, всякому, кто захочетъ ихъ взвѣсить, должны показаться Божественными. Скажите, пожалуйста, развѣ не явно Божіе слово—Его приказаніе любить Его болѣе всего? Люди приказываютъ намъ слушаться себя,

принуждаютъ насъ бояться себя, иногда жаждутъ, чтобы мы любили ихъ. Но приказываютъ ли они это? Есть ли смыслъ въ такомъ приказаніи? И что можно сказать о томъ, кто требуетъ отъ всѣхъ людей такой безграничной любви? Что это не только богохульство, но и безуміе, котораго не потерпитъ ни одинъ человѣкъ. А между тѣмъ этой-то любви и требуетъ Христосъ „кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня, и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“. И еще сильнѣе требуетъ Онъ у другого евангелиста, чтобы всякая естественная любовь исчезла и превратилась въ ненависть передъ высшей любовью которая подобаешь Ему.

Я. Я становлюсь на вашу сторону, сударыня. Чѣмъ глубже вдумываешься въ Евангеліе, тѣмъ больше находишь въ немъ явно Божественныхъ словъ Христа. Къ нимъ я причисляю, быть можетъ на удивленіе ваше, господа, и то, что Христосъ Самъ про Себя говоритъ, что Онъ—Богъ. Вы конечно понимаете, что между подобнымъ утвержденіемъ у язычниковъ и у единобожниковъ іудеевъ—огромная разница. Въ язычествѣ бывали цари, которые, ослѣпленные своимъ могуществомъ, приписывали себѣ Божеское достоинство. Это было богохульствомъ и безуміемъ, но извинялось всетаки тѣмъ, что по языческимъ понятіямъ быть богомъ значило быть однимъ изъ многихъ боговъ и стоять немного выше людей. Но выдавать себя за Бога и требовать Божескаго поклоненія у іудеевъ, державшихся единобожія и подобно намъ понимавшихъ Бога, какъ Творца безконечно совершеннаго,—это такая головокружительная, такая неизмѣримо великая идея, что самая мысль о томъ, чтобы человѣкъ дерзнулъ это сдѣлать, чтобы у него хватило на это гордости, недопустима и вселяетъ трепеть ужаса!

Семеновъ. Простите, но я не согласенъ! Чѣмъ былъ Христосъ, я не знаю. Что Онъ былъ существомъ не нашей мѣрки, это вѣрно. Не сомнѣваюсь я и въ томъ, что Онъ обладалъ сверхъестественною силою, которую употреблялъ на благо людей. Но при всемъ томъ онъ еще не говорилъ про себя, что онъ Богъ.

Я. Вотъ такъ-то вы и читаете Евангеліе, господа неохристиане, толстовцы, с tutti quanti! Вы выбираете изъ него нравственное ученіе, которое имѣетъ счастье вамъ нравиться

но догматической стороны, которая занимает въ Евангеліи такое видное мѣсто и является настоящимъ основаніемъ всего зданія, такъ сказать скелетомъ организма, вы ни за что не желаете замѣчать. Конечно, Христось часто проповѣдуетъ любовь, но еще чаще проповѣдуетъ и требуетъ вѣры. О Своемъ Божествѣ въ частности Христось говоритъ почти на каждой страницѣ Евангелія ученикамъ, народу, фарисеямъ. И какъ говорить имъ? Наиболѣе разумнымъ образомъ, какой себѣ можно представить. Мы, можетъ быть, хотѣли бы, чтобы Онъ сказалъ имъ: „Я—Богъ“? Но вообразите себѣ, чтó случилось бы, если-бы Онъ выступилъ съ такимъ утвержденіемъ! Это было бы словомъ разящимъ, ослѣпляющимъ, подобно солнечному полуденному лучу для слабаго глаза, и всѣ слушатели должны были бы придать ему ложный смыслъ. Язычники, тоже иногда слушавшіе бесѣду Христа, подумали бы, что Онъ считаетъ Себя за одного изъ многихъ боговъ. Іудеи, признававшіе единаго Бога, рѣшили бы, что Онъ или отрицаетъ единство Божіе, или съ безумною дерзостью оскорбляетъ Высшее Существо, царящее на небесахъ.

Съ несравнимою мудростью Христось излагаетъ истину постепенно, по частямъ. Онъ указываетъ на Свое отношеніе къ небесному Отцу, котораго Его слушатели уже знали, и такимъ образомъ они понимаютъ, что Онъ ни у Отца не отнимаетъ Божественности, ни Себѣ не приписываетъ другой, а приписываетъ ту же самую, которой обладаетъ Отецъ и которую въ предвѣчномъ рожденіи сообщаетъ Сыну. Сначала Онъ всегда называетъ Себя Сыномъ этого Отца, Сыномъ Божіимъ. Если сначала этому имени и не придавали болѣе глубокаго смысла (такъ какъ праведные въ Священномъ Писаніи вообще называются чадами Божіими), то вскорѣ должно было выясниться, что Онъ называетъ Себя Сыномъ Божіимъ не въ этомъ нравственномъ, а въ другомъ, собственномъ, дѣйствительномъ смыслѣ. Прежде всего для іудеевъ это было чѣмъ-то неслыханнымъ. Во всемъ Писаніи нѣтъ примѣра, чтобы какое-нибудь *одно* лицо, кромѣ Христа, называлось Сыномъ Божіимъ. Другое дѣло во множественномъ числѣ, которое само по себѣ указываетъ монотеисту на иносказательное значеніе. Къ тому же Христось никогда не подводитъ Своего и нашего отношенія къ Отцу подъ

одно общее наименованіе, хотя и часто говоритъ о Своемъ и нашемъ сыновствѣ. Онъ говоритъ перѣдко „Мой Отецъ“ и „вашъ Отецъ“, но никогда не „нашъ Отецъ“. Онъ говоритъ: „будьте чадами Отца вашего“, и никогда не говоритъ „мы—чада“, потому что Онъ понимаетъ слово *чада* въ двоякомъ, совершенно различномъ смыслѣ.

Миссъ Вильсонъ. Однако Онъ молится: „Отче нашъ“!

Я. Нѣтъ, *Самъ* Онъ такъ не молится, а велитъ *намъ* такъ молиться: „молитесь такъ: Отче нашъ“... Во всякомъ случаѣ Христосъ какъ-нибудь очень рѣзко подчеркивалъ разницу Своего и нашего сыновства, потому что мы читаемъ въ Евангеліи, какъ іудеи искали Его убить зато, что Онъ называлъ Отцомъ Бога, дѣлая Себя равнымъ Ему.

Леруа. Это могло быть недоразумѣніе.

Я. Изъ многихъ мѣстъ Евангелія видно, что Христосъ обыкновенно разяснялъ недоразумѣнія въ важнѣйшихъ случаяхъ. Но то, что необходимо всего требовало разясненія, если-бы это было недоразумѣніемъ, то Христосъ продолжалъ подтверждать съ возрастающей силою. Какъ Онъ отнесся, напримѣръ, къ извѣстному исповѣданію Петра, стяжавшему ему славу камня, на которомъ созиждется Церковь? На вопросъ Христа, за кого Его считаютъ люди, апостолы отвѣчали, что Его считаютъ однимъ изъ пророковъ, т. е. служителей Божіихъ, или дѣтей Божіихъ въ нравственномъ смыслѣ этого слова. Но на вопросъ, что думаютъ о Немъ они сами, Петръ отвѣчаетъ: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“. И Христосъ не дѣлаетъ въ этихъ словахъ ни малѣйшей поправки, а, напротивъ, скорѣе даетъ имъ торжественное подтвержденіе. Онъ объясняетъ, что источникомъ этого исповѣданія было внушеніе Самого Отца небеснаго, и награждаетъ Петра необыкновенными дарами.

Семеновъ. Я согласенъ, что божественное сыновство, о которомъ говоритъ Христосъ, есть что-то особенное, чѣмъ онъ совершенно отличаетъ себя отъ людей, но почему онъ непременно долженъ, какъ настаиваете вы, богословы, составлять одно съ Отцомъ и самъ быть Богомъ?

Я. Потому что Христосъ подробно и самымъ яснымъ образомъ излагаетъ сущность Своего сыновства. Онъ приписываетъ Себѣ одно за другимъ существеннѣйшія свойства Божества и объясняетъ, какъ я уже сказалъ, что Онъ полу-

чили ихъ отъ Отца и обладаетъ ими вмѣстѣ съ Нимъ. Такъ Онъ приписываетъ Себѣ вѣчность, говоря іудеямъ: „прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“. Они сочли это богохульствомъ и хотѣли побить Его камнями. Передъ смертью Онъ говоритъ Отцу: „прославъ Меня славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“. Онъ приписываетъ Себѣ всемогущество, когда говоритъ: „какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ“. При этомъ Онъ подробно объясняетъ, что у Сына нѣтъ дѣятельности отдѣльной отъ Отца. Знаніе, власть и всякую дѣятельность Сынъ имѣетъ отъ Отца. Можетъ быть, здѣсь найдется Библия? Тогда мы могли бы взглянуть на самый текстъ.

Девилль. У меня есть Библия, вотъ она!

Я. Откроемъ, напримѣръ, пятую главу отъ Іоанна. Христосъ только что исцѣлилъ въ субботу больного у Виеезды и велѣлъ ему взять одръ свой. Іудеи негодуютъ на такой поступокъ, видя въ немъ нарушеніе субботы. На это Христосъ говоритъ имъ: „Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю“. При этихъ словахъ іудеи такъ ясно поняли, что Христосъ отождествляетъ Свою дѣятельность съ дѣятельностью Бога, что мы сейчасъ же дальше читаемъ то, о чемъ я уже упоминалъ: „И еще болѣе искали убить Его іудеи за то, что Онъ не только нарушалъ субботу, но и Отцомъ Своимъ называлъ Бога, дѣлая Себя равнымъ Богу“. На это Христосъ отвѣчалъ имъ, что они не могутъ осуждать Его дѣлъ, не осуждая Бога, почитателями Котораго сами хотятъ быть, и не могутъ именно потому, что Онъ, Сынъ, безъ Отца не творить и не можетъ творить: „истинно, истинно говорю вамъ: Сынъ ничего не можетъ творить Самъ отъ Себя, если не увидитъ Отца творящаго: ибо что творитъ Онъ, то и Сынъ творитъ также“. Даже власть воскрешать мертвыхъ, это высшее проявленіе всемогущества, Онъ имѣетъ вмѣстѣ съ Отцомъ: „ибо какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ“. И чтобы они не подумали, что есть двоякое всемогущество, всемогущество Отца и Его собственное, Онъ точно объясняетъ имъ, что Божеское свойство быть источникомъ и даятелемъ жизни отъ Отца переходитъ къ Сыну: „...мертвые услышатъ гласъ Сына Божія, и, услышавши, оживутъ. Ибо какъ Отецъ имѣ-

еть жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ“.

Можетъ быть, это выраженіе единства Христа съ Богомъ Отцомъ еще не довольно ясно? Можетъ быть, Христосъ долженъ сказать намъ простыми словами, что Онъ одно съ Отцомъ, что Онъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Немъ? Намъ надо только перевернуть два-три листа, и мы въ десятой главѣ найдемъ это слово въ слово. Христосъ излагаетъ ученіе о добромъ пастырѣ и заключаетъ такъ:

...„Я даю имъ (овцамъ) жизнь вѣчную, и не погибнуть во вѣкъ; и никто не похититъ ихъ изъ руки Моей. Отецъ Мой, Который далъ Мнѣ ихъ, больше всѣхъ; и никто не можетъ похитить ихъ изъ руки Отца Моего. Я и Отецъ одно“. Тутъ опять іудеи схватываютъ камень, чтобы побить его, какъ они говорятъ, „за богохульство“: „зато, что Ты, будучи человѣкъ, дѣлаешь Себя Богомъ“. Христосъ не отрицаетъ этого, но сначала *a minori* показываетъ имъ, что они слишкомъ поспѣшили своимъ негодованіемъ, и затѣмъ повторяетъ Свое утвержденіе „Отецъ во Мнѣ, и Я въ Немъ“. Услыхавъ это, іудеи „опять искали схватить Его, но Онъ уклонился отъ рукъ ихъ“.

А теперь перейдемъ къ несказанно прекрасной прощальной бесѣдѣ за послѣдней вечерей, бесѣдѣ, которая и на апостоловъ и на насъ производитъ впечатлѣніе, что Христосъ здѣсь говоритъ все ясно безъ притчъ и образовъ. Въ ней Онъ даетъ возвышенное ученіе любви, но не забываетъ и вѣры, и повторяетъ, что въ Божествѣ Онъ одно съ Отцомъ.

Я читаю начало четырнадцатой главы; „вѣруйте въ Бога, и въ Меня вѣруйте!“ Только Богъ имѣетъ право требовать, чтобы вѣровали въ Него, потому что только Богъ—предметъ религіознаго вѣрованія. Такимъ образомъ Христосъ, требуя вѣры въ Себя, присвоиваетъ Себѣ Божескія права. И это Онъ дѣлалъ сотни разъ. Почти передъ каждымъ исцѣленіемъ Онъ спрашивалъ: вѣруешь ли ты? вѣруешь ли въ Сына Божія? Здѣсь Онъ кромѣ того явственно ставитъ вѣру въ Себя рядомъ съ вѣрой въ Бога.—На одномъ уровнѣ съ требованіемъ вѣры стоитъ требованіе любви превыше всего, о которомъ говорила миссъ Вильсонъ, и оно тоже служитъ доказательствомъ того, что Христосъ приписываетъ Себѣ Божеское достоинство.

Девилль. Я позволю себѣ прибавить, что такимъ же исключительно Божескимъ правомъ является принятіе молитвеннаго поклоненія. Величайшіе святые съ ужасомъ отклоняли его отъ себя, какъ, напримѣръ, Павелъ и Варнава въ Листръ, а также ангель у Данила и въ Апокалипсисѣ. Христось, по свидѣтельству Евангелія, принимаетъ не разъ это выраженіе почитанія и одобряетъ его. Онъ даже торжественно высказываетъ, что имѣетъ право на такое же поклоненіе, какъ Богъ Отецъ: „чтобы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца“, прибавляетъ онъ.

Миссъ Вильсонъ. Я не богословъ, но думаю, что исключительно Богу свойственно также прощать грѣхи, давать вѣчную жизнь, жить въ душѣ праведника. Все это признаетъ за Собой Христось. Отъ собственной полноты власти, безо всякой просьбы, Онъ отпускаетъ грѣхи разслабленному и Магдалинѣ. Мы только что слышали, какъ онъ общается вѣчную жизнь Своимъ избраннымъ овцамъ. Обитаніе въ душахъ Онъ приписываетъ Себѣ и Отцу въ дивныхъ словахъ за тайной вечерей: „кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ“.

Гайнбергъ. Выраженіе „тотъ соблюдетъ слово Мое“ напоминаетъ мнѣ, какъ юристу, о томъ, что Христось въ качествѣ законодателя ставитъ себя неоспоримо выше Моисеева закона, который іудеи однако считали Божественнымъ. Замѣтьте, какъ онъ говоритъ въ нагорной проповѣди: „вы слышали, что сказано древнимъ... а Я говорю...“ Онъ какъ будто только дополняетъ законъ, но изложеніе его указываетъ вовсе не на истолкователя, а на законодателя; и когда фарисеи однажды докучали ему предписаніями о соблюденіи субботы, онъ очень недвусмысленно отвѣтилъ имъ: „Сынъ Человѣческой есть господинъ и субботы“.

Я. Однимъ словомъ, Христось приписываетъ Себѣ всѣ Божескія права; какъ же можно еще сомнѣваться, что Онъ приписываетъ Себѣ Божественность? Но вернемся еще разъ къ послѣдней бесѣдѣ. Послѣ повелѣнія о вѣрѣ Филиппъ говоритъ Христу: „Господи! покажи намъ Отца, и довольно для насъ“. Христось отвѣчаетъ: „столько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца? Развѣ ты не вѣ-

ришь, что Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ? Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя; Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творить дѣла“, т. е. чудеса, доказывающія истину Моихъ словъ. „Вѣрьте Мнѣ, что Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ; а если не такъ, то вѣрьте Мнѣ по самымъ дѣламъ“. Подъ конецъ онъ говоритъ о Святомъ Духѣ, Который послѣ разлуки съ Нимъ утѣшитъ учениковъ, и объясняетъ, что этотъ Утѣшитель исходитъ отъ Отца и потому „отъ Моего приметъ и возвѣститъ вамъ“, такъ какъ, говоритъ Онъ, „все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое“. Можно ли выразить единство въ Божеской природѣ опредѣленнѣе, чѣмъ оно выражено здѣсь?

Послѣ того, какъ Христосъ такимъ образомъ съ осязательной ясностью изложилъ, въ какомъ смыслѣ Онъ называетъ Себя Сыномъ Божиимъ, становится понятной великая драма, разыгравшаяся передъ судилищемъ Каиафы. Христосъ стоялъ, какъ обвиняемый, передъ синедриономъ, высшимъ народнымъ судомъ того времени. Первосвященникъ официально спросилъ Его: „заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?“ И Иисусъ сказалъ: Я есмь, и сейчасъ же прибавилъ, что они увидятъ того самого Сына Человѣческаго, Котораго теперь судятъ, одесную силы Божіей, когда Онъ придетъ судить міръ.

Въ смыслѣ этого признанія нельзя было сомнѣваться. Они должны были или пасть на колѣна, или въ ужасѣ отъ страшнаго богохульства разодрать одежды и по закону приговорить преступника къ смерти. Высшее іудейское судилище высказывается за присужденіе, и Иисусъ идетъ на смерть именно зато, что выдаетъ Себя за Сына Божія, за Бога отъ Бога. Это—формально юридическая и фактическая причина Его смерти. Это утвержденіе, которое Онъ постоянно повторялъ при жизни, воспламенило злобу старѣйшинъ іудейскихъ, которая въ свою очередь подготовила послѣдній ударъ, и это самое утвержденіе повело Его къ смертному приговору, послѣ того какъ Онъ еще разъ торжественно повторилъ его передъ синедриономъ.—Теперь никто больше не имѣетъ права сомнѣваться въ томъ, что Христосъ утверждалъ Свое Божество, потому что Онъ умеръ за это утвержденіе.

См. иновъ. Что же мнѣ теперь, несчастному, дѣлать съ

этимъ Христомъ, который не даетъ себя обфлить отъ притязаній на Божество?! Я его чтить и любилъ, какъ чудо человечества, а теперь вы вырываете его у меня изъ сердца, изъ души!

Леруа. Меня четверть часа преслѣдуетъ та же мысль, и теперь я начинаю понимать, почему нѣкоторые дѣлали отчаянныя попытки отнести существованіе Христа къ числу мисовъ и этимъ оградить отъ него свой покой. Но я лично знаю, что и это не удастся.

Я. Нѣтъ, господа, мы не дѣлаемъ вамъ ничего дурного: мы вырываемъ изъ вашего сердца кумиръ, который вы создали себѣ сами, и взаимѣнь даемъ вамъ Бога, въ Которомъ вы найдете не только покой, но счастье. Не останавливайтесь лишь упрямо на поль-дорогѣ.

У современниковъ Христа существовало три взгляда на Него. Его родственники и близкіе въ Назаретѣ въ началѣ его учительства думали, что Онъ не въ своемъ умѣ, и хотѣли Его заточить. Иудейскіе старѣйшины считали Его отверженнымъ, соединившимся съ діаволомъ противъ Бога. Ученики повергались предъ нимъ ницъ и исповѣдывали: „Господь мой и Богъ мой!“ Каждое изъ этихъ трехъ мнѣній логично и имѣетъ извѣстный смыслъ. Четвертое пониманіе, образовавшееся въ наше время, что Христось былъ лицомъ-рзъ и святой, обманщикъ и спаситель, не имѣетъ, какъ мы видѣли, никакого смысла и является чѣмъ-то невозможнымъ. Такимъ образомъ намъ приходится выбирать между тремя первыми. Первое мнѣніе, послѣ всего, что сдѣлано Христомъ, можетъ раздѣлять только слабоумный. Со вторымъ въ нынѣшнее время согласно большее число людей, чѣмъ можно предполагать,—повѣрьте мнѣ, господа. Не умѣя любить Христа, они преслѣдуютъ Его дьявольскою ненавистью, какъ воплощенное зло. Но этотъ взглядъ такъ чудовищень, что приверженцы его не имѣютъ мужества признаться въ немъ передъ самими собою.—Такимъ образомъ намъ не остается ничего другого, какъ сказать вмѣстѣ съ учениками Христа, что онъ Господь нашъ и Богъ нашъ.

Девилль. Совершенно вѣрно, мы должны рѣшиться. По отношенію къ другимъ историческимъ событіямъ или на-

учнымъ открытіямъ мы можемъ, если хотимъ, держаться равнодушно. Мы можемъ сказать себѣ: вѣрно ли это, или ложно, это меня не касается; пусть заботится о томъ кто хочетъ! Относительно Христа мы можемъ оставаться на точкѣ зрѣнія равнодушія только до тѣхъ поръ, пока мы ничего, или почти ничего, о Немъ не знаемъ. Но кто только натолкнется на Его вліяніе въ исторіи, кто только хоть разъ прочтетъ толкомъ Евангеліе, тотъ долженъ итти дальше и отвѣчать на вопросъ Христа, обращенный къ человѣчеству: „за кого вы Меня считаете?“ Какъ бы ни стояло намъ поперекъ дороги это строгое явленіе, мы не можемъ отвести его въ сторону, потому что, какъ мы уже видѣли, невозможно, чтобы евангелисты создали его изъ ничего. Объяснить себѣ это явленіе иначе тоже нельзя, да и какъ объяснить его? Считать Христа ловкимъ обманщикомъ нелѣпо. Это совсѣмъ невозможно. Что Онъ былъ благороденъ и святъ, но не творилъ чудесъ и не былъ Богомъ,—этого также нельзя допустить, если мы хотимъ хоть въ чемъ нибудь держаться Евангелія, потому что чудотворенія и притязанія на личное Божество нельзя отдѣлать отъ даннаго Евангеліемъ образа. И наконецъ, если принять, что все сверхъестественное въ Евангеліи прибавлено учениками Христа, то придется снова стать передъ самымъ невозможнымъ изъ предположеній, по которому евангелисты дѣлаются творцами евангельскаго Христа, т. е. всего того, что вызываетъ въ насъ восхищеніе и благоговѣніе именно тѣмъ, что превосходитъ всякую человѣческую мѣру и мысль.

Вы не можете столкнуть съ дороги эту маленькую книжку! Вотъ она—и нѣтъ другого пути, какъ повѣрить и преклониться.

Миссъ Вильсонъ. Да, повѣрить и преклонить колѣна передъ *Нимъ*! Мало мы любовались сегодня Божественными красотами? А мимо сколькихъ, бросавшихся въ глаза, мы еще прошли безъ вниманія! Я понимаю теперь крикъ прекраснаго отчаянія, вырвавшійся у Іоанна, когда онъ перечиталъ свое только что оконченное евангеліе, самую прекрасную книгу на землѣ. Я чувствую, почему онъ нашелъ его до такой степени несоотвѣтствующимъ тому идеалу, который онъ носилъ въ душѣ, что изъ сердца его вырва-

лись слова, что если-бы захотѣть изобразить Іисуса *всего*, то и самому міру не вмѣстить бы написанныхъ книгъ!

Семеновъ. Что же намъ теперь дѣлать?

Я. Итти и молиться *Ему*.

Семеновъ. Да... только одно... молиться *Ему*.

Леруа. И по крайней мѣрѣ прочту молитву, которой *Онъ* научилъ насъ.

М. Моравскій.
